Орел на снегу

Автор:
Майкл Морпурго

Орел на снегу

Майкл Морпурго

Автор более сотни книг, Майкл Морпурго живёт на тихой ферме в Девоне и, по собственному признанию, прежде чем перенести свои истории на бумагу, рассказывает их лошадям и собакам. Ведь в большинстве его книг животным отведена очень важная роль. Делая их героями своих приключенческих произведений, автор говорит о беззащитной красоте и хрупкости мира, его зависимости от человеческого участия и сострадания. Каждой своей историей Майкл Морпурго утверждает, что подлинная человечность держится на двух столпах – милосердии и силе духа. Этот гуманистический посыл пронизывает все книги писателя, продолжая традиции великой английской литературы, заложенные Диккенсом и Киплингом.

Когда-то, сражаясь на полях Первой мировой войны, Билли Барни поступил по совести и проявил милосердие к врагу. Но его благородный поступок обернулся трагедией для всего мира. И пока ещё не стало слишком поздно, он должен исправить свою ошибку, искоренить зло. У него просто нет выбора…

Майкл Морпурго

Орёл на снегу

Michael Morpurgo

An eagle in the snow

Text copyright © 2015 by Michael Morpurgo

Illustrations copyright © 2015 by Michael Foreman

© А. Л. Сагалова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Эта книга посвящается рядовому Генри Тенди, кавалеру Креста Виктории[1 - Крест Виктории – это высшая награда для британского военного: вручается она за героизм, проявленный в бою. (Здесь и далее примеч. перев.)].

И вот почему. Когда я пишу книгу, то чаще всего за основу беру историю из чьей-то жизни – записанную или пересказанную, – а в этой книге правды даже больше, чем в других. Майкл Форман надоумил меня насчёт Уолтера Талла, первого темнокожего офицера в британской армии, – и его невероятная судьба вдохнула жизнь в книгу «Медаль для Лероя». Как-то раз мне повстречался ветеран Первой мировой, который в войну присматривал за лошадьми, – в результате увидел свет «Боевой конь». В музее Ипра[2 - Ипр – небольшой городок на северо-западе Бельгии, где во время Первой мировой войны прошло несколько ожесточённых сражений. Ипр печально знаменит тем, что во время этих боёв было впервые в истории применено химическое оружие: немцы использовали против французов сначала хлор, а потом газ, названный в честь города ипритом.], в Бельгии, я наткнулся на официальное армейское уведомление тоже времён Первой мировой: мать одного солдата информировали, что её сын расстрелян за трусость, – так появился «Рядовой Писфул». Однажды на глаза мне попалась медаль в память о затоплении «Лузитании» в 1915 году[3 - Гибель огромного пассажирского лайнера «Лузитания» часто сравнивают с другой похожей катастрофой – трагедией

«Титаника». «Лузитанию», хотя та и не была военным кораблём, потопила немецкая торпеда во время Первой мировой войны. Погибло почти 1200 человек.] – и это побудило меня написать книгу «Слушай Луну» о девочке, чудом выжившей в той катастрофе.

Мои книги вроде бы вымысел, но вымысел, уходящий корнями глубоко в историю. Вымысел, вдохновлённый настоящими судьбами настоящих людей, которые сражались и нередко погибали в войнах. Они жили давным-давно и совсем не так, как живём сейчас мы. Они часто сталкивались с ужасными и грозными опасностями и вели себя при этом невообразимо мужественно. И чтобы книжка вышла достойной этих людей, мне, как писателю, надо очень живо представить, каково им приходилось. Попробовать в своём воображении прожить такую же героическую жизнь.

Когда Доминик Кроссли-Холланд, продюсер исторических программ на BBC, поведал мне удивительную историю Генри Тенди, солдата Первой мировой войны, у которого было больше наград, чем у любого другого, мне стало интересно. Мне захотелось разузнать поподробнее, кто он такой и чем знаменит. Я не стал, конечно, писать его научную биографию – её уже написали до меня. Мне, скорее, хотелось впустить Генри Тенди в книжку, сделать его историю частью истории, придуманной мною. Это книга о мужестве и о выборе. О том, как иногда поступить правильно означает сделать нечто очень неправильное.

Поскольку Генри Тенди играет здесь такую важную роль, я решил поместить в конце его настоящую биографию.

Майкл Морпурго,

16 февраля 2015 года

Часть первая

Лондонский поезд отправляется в 11:50

1

Поезд всё не отправлялся и не отправлялся. Я уже боялся, что мы вообще никуда не поедем. Я был с мамой. И я устал. Рука у меня под гипсом и ныла, и зудела – всё разом. Мама уже вовсю постукивала спицами – стук-стук. Она вязала, словно и не задумываясь. Мама всегда так: где ни присядет, тут же давай что-нибудь вязать. Сейчас это были носки для папы.

– Всё стоим и стоим, – вздохнула мама. – И что там у них? Вон часы на платформе, времени уже первый час. Хотя, понятно, чего ещё ждать в нынешние-то дни. – И вдруг она сказала кое-что странное, я даже удивился: – Барни, если я вдруг засну, ты постереги чемодан, ладно? А то в нём всё наше добро – ну как стащат. Так что ты поглядывай на полку с багажом, мало ли что.

Я так и не понял, к чему это она. Кто его стащит-то, наш чемодан? В купе рядом с нами никого не было. Но вдруг вошёл какой-то дяденька и громко хлопнул за собой дверью. Нам он ничего не сказал и, кажется, вообще нас не увидел, а просто снял шляпу, пристроил её на полке рядом с нашим багажом и уселся напротив. Потом он глянул на часы, взял газету и скрылся за ней. А спустя какое-то время дяденьке пришлось газету отложить, чтобы высморкаться, – вот тут-то он и заметил, что я на него таращусь. И кивнул мне.

Я сразу обратил внимание, какой он весь опрятный: туфли начищены до блеска, усы – волосок к волоску. Ну и ещё воротничок с галстуком. Я решил, что такой-то чистюля вряд ли стащит мамин чемодан. И ещё в дяденьке было что-то очень знакомое. Как будто я его раньше встречал. А может, и нет. Может, это из-за того, что он был примерно одних лет с дедушкой. Смотрели они с дедушкой похоже – вроде как испытующе.

Но незнакомый дяденька очень уж был аккуратный, чего про дедушку никак не скажешь. Дедушка мой – настоящий растрёпа; на голове у него вечно всё взлохмачено, хотя и лохматиться там особо нечему. Лицо и руки у него всегда чумазые, даже если он помоется. Это потому, что он развозит уголь. А у этого дяденьки и руки были чистые, и ногти ухоженные – да и сам он был чистый и ухоженный с головы до пят.

– Ну как, сынок, прошёл я инспекцию? – осведомился он и посмотрел на меня очень выразительно.

Мама слегка ткнула меня локтем и извинилась за мою невоспитанность, а потом обратилась ко мне:

– Сколько раз я тебе говорила, Барни: невежливо так глазеть на людей. Немедленно попроси извинения у джентльмена.

– О, не переживайте, миссус[4 - Вообще-то, обращение «миссус» не очень грамотное, оно скорее просторечное, народное. По-английски всё-таки правильно называть замужнюю даму «миссис».], – улыбнулся дяденька. – Мальчишки и есть мальчишки. Я ведь тоже таким был, хоть и давненько. – Он чуточку помолчал и спросил: – Извиняюсь, миссус, а это ведь лондонский, правильно? На одиннадцать пятьдесят?

– Хотелось бы верить, – ответила мама и ещё раз меня толкнула, потому что я продолжал глазеть. Ничего не мог с собой поделать.

Станционный смотритель прошёл мимо нашего окна; он махал зелёным флажком и свистел в свисток, и от этого щёки у него надувались, а лицо делалось совсем круглым. «Как розовый воздушный шарик», – подумал я. Наконец поезд запыхтел и медленно, словно нехотя, тронулся с места. Мы поехали.

– Ну слава богу, – сказала мама.

– Ничего, если я окошко чуть приоткрою, миссус? – спросил дяденька. – Люблю, чтоб свежо.

– Да на здоровье, – откликнулась мама. – За свежий воздух денег не берут.

Дяденька дотянулся до окна, опустил раму на пару делений на кожаной полоске и уселся назад. Он снова поймал мой взгляд и в этот раз улыбнулся.

– Тебе, верно, девять? – поинтересовался он.

За меня ответила мама:

– Десять. Маловат он немножко для своих лет. Ну да ничего, быстро вытянется. А куда ему деваться? Ест-то он за себя и за всю Англию. Уж не знаю, куда в него столько влезает.

Мама говорила обо мне в точности как дедушка о своих кабачках – без умолку, радостно и гордо. Так что я, в общем-то, не возражал.

Поезд набирал скорость, уже не тащился, а бодро бежал вперёд. И голос у него стал довольный: ту-дух-ту-дух, ту-дух-ту-дух. Мне всегда нравился этот голос, этот ритм. Мы все молчали. Наш попутчик вернулся к своей газете, а я уставился в окно на тянувшиеся снаружи разбомбленные улицы. Я думал о дедушке, о его кабачках и огородике[5 - Англичане обожают трудиться на земле, и у многих городских жителей есть огородики. Как правило, это совсем крошечный участок, иногда с домиком, где горожане с удовольствием выращивают кабачки, тыквы и разную зелень. Чем-то похоже на наши дачи, только гораздо скромнее – земля в Англии очень уж дорогая.], который весь разнесло во время ночной бомбёжки пару дней назад[6 - Барни и его семья, как и многие жители их родного города Ковентри, пострадали от «блица» (по-немецки это означает «молния»): так назывались непрерывные бомбёжки, которым немцы подвергали Лондон и промышленные города (Ковентри, Бирмингем, Манчестер и другие) в 1940 и 1941 годах. Великобритания – остров, и вторгнуться туда, как в Польшу или в Бельгию, немцы попросту не могли. Поэтому они решили бомбить Англию до тех пор, пока дух её граждан не будет сломлен и страна не сдастся. Особенно страшными были воздушные налёты на Лондон: они начались 7 сентября 1940 года и длились 57 ночей подряд, а потом с перерывами продолжались до мая 1941 года. За это время погибло более сорока тысяч мирных жителей, огромное количество зданий было разрушено.]. Дедушка стоял и смотрел на то место, где недавно ровными рядками росли его капуста, и лук-порей, и пастернак. А сейчас на этом месте зияла воронка. Если дедушка что и содержал в порядке, так

только огородик. В нём была вся дедушкина жизнь.

– Я снова его вскопаю, Барни, – пообещал он, а глаза у него так и сверкали от гнева. – Я не я буду, если не вскопаю. И будет у нас своя морковочка, и лучок, и картошечка. Всё, что надо, – всё будет. Эти голодранцы фашистские не дождутся, чтобы мы без еды сидели. – Дедушка утёр слёзы тыльной стороной ладони. Злые это были слёзы. – Я вот что тебе скажу, Барни, – продолжил он, – в ту войну, когда мы в окопах сидели, я ведь немцев не то чтобы ненавидел. Чего их ненавидеть? Звали их фрицами, но от нас они мало чем отличались. Такие же обычные бойцы. Но нынче-то всё по-другому. Что они сотворили с Ковентри! Здесь же мой дом, мой город, родня моя, соседи! Нынче я немцев ненавижу. И огород свой им попомню! Что они там о себе возомнили? – Дедушка взял меня за руку и крепко сжал. Он так частенько делал, чтобы меня подбодрить. Но тогда дедушка сам расстроился, и это мне полагалось его как-то утешить. Поэтому я тоже сжал его руку.

Но когда мы узнали про Большого Чёрного Джека, никакие утешения не помогли.

Всю ночь, пока продолжался воздушный налёт, мы просидели в укрытии на Малберри-роуд. Вцепились друг в дружку и вздрагивали от каждого удара. Всегда стараешься не слушать, как летит бомба, как она взрывается, но не получается, и всё равно слушаешь. И думаешь каждый раз: ну может, вот эта бомба – последняя. А она никогда не последняя. Дедушка был нашим с мамой надёжным оплотом; он крепко обнимал нас своими сильными руками, а мы прижимались к нему потеснее, и он пел нам песни. Его хриплый голос перекрывал хныканье, и плач, и вскрикивания. А когда падали бомбы, тряслась земля и в убежище сыпалась пыль с потолка, дедушка пел ещё громче.

Наконец сирена возвестила отбой воздушной тревоги, и весь ужас закончился. Сколько мы просидели в убежище, я даже не знаю. Но вот мы выбрались и увидели, что мир вокруг нас превратился в груду развалин, ещё горячих и кое-где дымящихся. Малберри-роуд – точнее, то, что от неё осталось, – всю заволокло едким удушливым дымом, и дым этот, словно туман, окутал нас со

всех сторон. Дышать нечем, и неба не разглядеть.

Наш дом стоял в самом конце улицы. Мы ещё робко на что-то надеялись, пока шли до него. Но оказалось, что дома у нас больше нет. Жить нам теперь негде. И не только нам. Всю улицу было не узнать: она просто взяла и исчезла. И только фонарь на столбе уцелел – тот самый, возле нашего дома, который светил мне в спальню по ночам. Все наши друзья и соседи были там, и полицейский тоже, а ещё люди из противопожарной обороны. И все они лазили по развалинам, копались в обломках. Мама сказала, что поищет: может, удастся что спасти. Дедушке она велела увести меня. Она очень горевала и плакала, и ей не хотелось, чтобы я видел её такой. Но там, под развалинами, остались моя железная дорога, и мой лондонский красный автобус, который мне подарили на Рождество, и оловянные солдатики, что выстроились у меня на полке, и раковина с пляжа в Бридлингтоне[7 - Бридлингтон – курортный городок на восточном побережье Англии.].

Поэтому я вскарабкался на развалины, иногда становясь на четвереньки и помогая себе руками. Мне очень надо было самому поискать. Я бы нашёл свои вещи, точно нашёл бы. Но один дяденька из противопожарной обороны ухватил меня за руку, стащил вниз и, хоть я очень громко возмущался, отвёл к маме. Тут уж я не выдержал. «Мой автобус! – заревел я. – Мои солдатики! Там всё моё осталось!»

Мама легонько встряхнула меня за плечи, чтобы я успокоился и послушал. «Это очень опасно, Барни, – сказала она. – Иди с дедушкой, хорошо? Пожалуйста, сделай, как я говорю. Я найду всё, что смогу, обещаю тебе».

И дедушка предложил: мол, пойдём-ка проверим, в порядке ли огородик. Но я-то знал, что это он только для виду. А на самом деле он уводит меня от всех этих плачущих людей. Мама не хотела, чтобы я торчал там и на них смотрел. Миссис Макинтайр сидела прямо на тротуаре – чулки у неё в клочья разорвались, ноги были все в крови, а сама она бессмысленно уставилась в одну точку. Перебирала чётки и молча шевелила губами – молилась. А мистер Макинтайр вообще куда-то запропастился, и никто не знал, где его искать.

Недалеко от огородика дедушка держал нашу старенькую ломовую лошадь – Большого Чёрного Джека. С тех пор как бабушки не стало, этот конь был для дедушки как лучший друг, да и для меня, если по правде, тоже. С Чёрным Джеком дедушка целый день работал и разговаривал, пока они вдвоём развозили уголь по всему городу. Я иногда им помогал после школы или по выходным. Таскать уголь мне пока тяжеловато, так что я складывал пустые мешки в аккуратную стопочку сзади на повозке. И ещё следил, чтобы у Чёрного Джека всегда хватало воды и зерна в его мешке. Поэтому мы с Чёрным Джеком были неразлейвода.

Сперва мы ничего не заметили: шаткий сарайчик на месте, у входа налитое до краёв ведро с водой, кормушка с сеном болтается пустая. Но Большого Чёрного Джека нигде нет.

И мы увидели развороченную изгородь. Чёрный Джек освободился и убежал – оно и понятно, при такой-то бомбёжке. «Просто забрёл куда-то, – сказал тогда дедушка. – Парень не пропадёт. Он о себе сумеет позаботиться. Чёрный Джек не пропадёт. Он так уже делал. Вернётся, как пить дать. Найдёт дорогу, ему не впервой».

Но я-то понимал, что дедушка всё это говорит сам себе в успокоение. Он и хотел бы верить собственным словам, но ему не верилось.

2

Через каких-то несколько минут мы наткнулись на Большого Чёрного Джека. Он распростёрся на траве возле опушки леса. За деревьями виднелась воронка от упавшей бомбы. Все деревья кругом стояли поломанные, обгоревшие и скрюченные. Большой Чёрный Джек лежал совсем смирно. На нём не было никаких ран. Я заглянул в его огромные глаза. Дедушка опустился рядом на колени, пощупал пульс на шее. «Остыл, – произнёс дедушка. – Совсем уже остыл. Вот бедняга. Вот бедняга». И он весь затрясся от беззвучного плача.

А я тогда не заплакал. Зато чуть не плакал теперь, в поезде. Я всё вспомнил – как по-доброму смотрел открытый глаз, как я ждал, что Чёрный Джек зашевелится и начнёт дышать. И от этих мыслей на глаза наворачивались слёзы.

– Всё хорошо, сынок? – участливо спросил наш попутчик, наклонившись ко мне.

За меня опять ответила мама, и я даже обрадовался, потому что слёзы ещё и к горлу подступили. Говорить я бы не смог, даже если бы захотел.

– Разбомбили нас, – объяснила мама. – Вот он чуток и распереживался.

– Да ещё и руку сломал, – хмыкнул дяденька. – Как умудрился-то?

– А уж это всё футбол, – ответила мама. – Он сам не свой до футбола, да, Барни?

Я кивнул: говорить я всё ещё не мог.

– Дома у нас больше нет, – продолжала мама. – На Малберри-роуд мы жили. Почти всё потеряли. Да и не одни мы, надо думать. Но нам повезло. Вот же мы, сами-то, живые. – Она прикрыла ладонью мою руку. – Так что грех жаловаться. Да и чего нам жаловаться? Благодарить небеса надо. Поедем к моей сестре в Корнуолл, на море, да, Барни? Меваджисси, вот где она живёт. Место там красивое. Никаких вам бомб. Море, солнце да песочек – и рыбы полным-полно. А мы до рыбы с картошкой большие охотники, да, Барни? И тётя Мэвис такая славная, да?

Ну, можно и так сказать. Только говорить я по-прежнему не мог.

Мама ненадолго умолкла, и мы просто сидели, а поезд стучал по рельсам и погромыхивал, за окном пролетал дым. И ритм у поезда сделался как будто чётче, быстрее: дум-ду-дум, дум-ду-дум.

– И собор разбомбили, – снова заговорила мама. – Почти до основания. А ведь такой красивый был, старинный. Шпиль до того высокий, за много миль видно. И зачем им собор-то рушить? Нехорошее это дело, вот что я скажу. Как есть нехорошее[8 - Этот удивительно красивый готический собор после войны

решили не восстанавливать, а оставить в руинах как память о трагедии «блица».].

– Нехорошее, – согласился незнакомец. – А я, кстати, Малберри-роуд хорошо знаю. Я там, можно сказать, вырос. И видел, что с ней сталось. Я как раз после налёта вытаскивал людей из-под обломков. Я из гражданской обороны, из противопожарной. Вот чем я занимаюсь. – Наш попутчик словно беседовал не с нами, а сам с собой, словно размышлял вслух и вспоминал что-то. – Нам положено смотреть, где горит, и тушить пожар. Но огненную бурю как потушишь? Настоящее пекло, иначе не скажешь. Я своими глазами видел: сущий ад. А в аду от пожарных проку мало, верно?

И тут я сообразил, где видел его раньше. Это он стащил меня с развалин нашего дома! Боец из противопожарной обороны! Я сначала его не узнал, потому что тогда-то на нём были форма и каска. Но это точно был он, я уже ничуточки не сомневался. И он вдруг посмотрел на меня так пристально, словно тоже меня вспомнил.

– Наверняка вы сделали что смогли, – возразила ему мама. Как-то безотчётно возразила, не отрываясь от вязания. – Никто на вашем месте больше бы не сделал. Вот папа Барни, к примеру, он сейчас в армии – далеко, за границей. В Корпусе королевских инженеров. Он делает что может. И дедушка Барни тоже делает. Он остался в Ковентри, сказал, что будет работать, как раньше. Он угольщик, это у нас семейное дело. Говорит, надо же людям дома обогревать, печи топить. Не могу, говорит, бросить своих покупателей. Я ему: «Да теперь и домов нет, что обогревать-то?» А он мне: «Значит, нужно новые построить». Вот он и решил остаться и делать что может, что считает правильным. В этом вся и суть, я так думаю. Поступай по совести, и с пути не собьёшься. Мы все делаем, что в наших силах. Я и Барни всегда так говорю, да, Барни?

У меня наконец прорезался голос, и я ответил:

– Да, мам.

Мама мне и правда постоянно это повторяла. И учителя в школе что ни день твердили о том же самом.

– Но иногда, – медленно и задумчиво произнёс незнакомец, – того, что в наших силах, недостаточно. В том-то и беда. Иногда то, что мы считаем правильным, оказывается совершенно неправильным.

Он откинулся на спинку сиденья, будто бы давая понять, что разговор закончен. Мама этого дяденьку так и не узнала. Я хотел ей сказать, но как скажешь: он же рядом сидит. Дяденька отвернулся в окно, и какое-то время мы ехали без разговоров.

Я обожаю поезда и всё, что с ними связано. Мне нравится, как они шипят и выпускают пар, мне нравятся их голоса и как колеса стучат и громыхают по рельсам, и свистки, и гудки. И ещё тот рёв, с которым поезд врывается в туннель, и ты погружаешься в глубокий грозный мрак, а потом – раз! – и ты снова на солнышке, и лошади испуганно уносятся прочь по лугам, вороны разлетаются, а овцы шарахаются подальше от рельсов. И станции я люблю – как там вечно все суетятся, и двери хлопают, и проводник в форменной фуражке машет флажком, и двигатель вздыхает, готовясь к свистку. И после свистка наконец начинается: пых, пых, пы-ы-ы-х.

Когда папа в последний раз приезжал домой в отпуск, я сказал ему, что, когда вырасту, стану машинистом. Папа любит возиться с машинами и двигателями – со всякими генераторами, с мотоциклами, с автомобилями. И, услышав про машиниста, он обрадовался, я заметил. Папа мне тогда ответил, что паровоз – самая красивая машина, созданная человеком. Хорошо, что нынче днём я оказался в поезде. Потому что у меня никак не шли из головы все мои страхи в убежище и то, что мы увидели наутро: и развалины нашего дома, и как миссис Макинтайр сидит на тротуаре с чётками и плачет по разрушенному дому и разрушенной жизни, и как дедушка стоит на коленях перед Большим Чёрным Джеком. Но мерный стук колёс успокаивал, и меня потихоньку начало клонить в сон.

Мама уже давно умолкла и крепко заснула, свесив голову на грудь, – казалось, что голова у неё вот-вот отвалится. Но спицы она по-прежнему сжимала в руках, и клубок всё так же лежал на коленях. Половина папиного носка уже была готова.

В общем, мы остались один на один с незнакомым дяденькой – хотя, получается, не такой уж он был незнакомый. Он время от времени поглядывал на меня, словно хотел спросить о чём-то, но никак не решался. Наконец он наклонился ко мне и негромко произнёс:

– Это ведь тебя я стащил вниз после налёта, верно, сынок? На Малберри-роуд, да?

Я кивнул.

– Я так и думал, – улыбнулся он. – Мы с тобой парни с Малберри-роуд. Помню, когда я тебя стаскивал, подумал, что очень ты похож на меня десятилетнего. Я тоже как-то в детстве руку сломал – только не на футболе. Свалился с велосипеда. Ты прямо в точности как я. Славно повстречаться с собою прежним. – Тут он покивал и поулыбался. А потом продолжил: – А папа твой где воюет? Куда его командиры отправили?

– В Африку, – ответил я. – В пустыню. Он там за танками следит, чтобы не ломались. А если ломаются, то чинит. Говорит, от песка спасения нет – везде забивается. И ещё жарко очень. И мух целый миллион.

– Вот бы и мне туда, – вздохнул дяденька. – В Южной Африке мне бывать доводилось. Служил там в армии давным-давно. Да и сейчас послужил бы. Мне бы на фронт, сражаться, как твой папа. Но меня ж не пустили. Говорят, куда вам, с вашей-то ногой. – Он потёр колено. – Осколок шрапнели где-то здесь сидит. С той войны ещё. Они мне: да хоть бы и не нога, воевать вы всё равно не годитесь по возрасту. Это я, выходит, старый. В сорок пять-то лет! Смех один. Приходится мне дома штаны просиживать. Гражданская оборона, противопожарная оборона – только для того и гожусь. Ходить и в свисток свистеть, говорить, чтобы шторы задёргивали для затемнения. А я хотел воевать. Я им так и сказал: мне, как никому, на фронт надо. Хочу внести свой вклад, как твой папа. – Губы у него дрожали, а голос срывался. Я даже испугался немножко. – Но они ж разве станут слушать? «Сидите дома, – они мне говорят. – Вы в прошлую войну свой вклад внесли. У вас вон сколько медалей». – Он отвернулся и тряхнул головой. – Медали. Какой в них прок, в этих медалях? Много они понимают. Много они понимают.

Я думал, что теперь он уже выговорился, но, оказалось, что нет – он заговорил снова:

– Понятное дело, я поступил, как мне велели. Выбора-то нет. Но что ты поделаешь, когда бомбы так и летят, дома рушатся, и школы, и больницы, и люди гибнут сотнями. Ребятишки, как ты, и совсем малыши. Мы их десятками вытаскивали из-под завалов мёртвыми. Пользы в том никакой. Нужно сражаться, вот что. Вдарить по немцам из пушек, вышибить их с нашего неба. Чтоб наши самолёты их сбивали. Сотня бомбардировщиков, целый город как ветром сдуло, а я только и мог, что носиться со своим свистком да людей вытаскивать… – И он осёкся, до того, видно, распереживался.

Я не знал, как ему ответить, поэтому ничего не сказал и стал смотреть в окно. Поезд стучал по рельсам среди полей, мимо мелькали телеграфные столбы. Я насчитал их сотню, и мне надоело. Дождевые капли гонялись друг за дружкой по стеклу. Я принялся разглядывать облака. Паровозный дым поднимался в небо и сливался с ними – с рычащим львом, с картой Британии, с лицом одноглазого великана. Глаз у великана был тёмный, глубокий, и он двигался. Я не сразу сообразил, что этот глаз на самом деле самолёт. Теперь я уже не мог представить себе одноглазого великана. Я видел просто облако с вылетающим из него самолётом.

Тут в мой собственный глаз из открытого окна залетела какая-то песчинка. И оказалась ужасно колючей. Я изо всех сил тёр глаз и моргал, но ничего не помогало. Песчинка прилепилась где-то глубоко в уголке века и никак не хотела отлепляться. Я её и пальцем пробовал вынуть и сморгнуть пытался – всё без толку. Только хуже становилось, кололо сильнее.

Дяденька наклонился ко мне и мягко отвёл мою руку.

– Нет, сынок, так делу не поможешь, – сказал он. – Дай-ка я попробую. Я её вытащу. А ты сиди смирно, как хороший мальчик. И голову назад откинь.

Он крепко сжал моё плечо и приподнял веко большим пальцем. Мне очень хотелось отпрянуть, моргнуть или скривиться. Уголок носового платка заскользил по моему глазу. И я всё-таки заморгал, потому что никак не мог удержаться. В глазу ещё чуточку поболело, но почти сразу прошло. Дяденька с торжествующей улыбкой показал мне чёрную крупинку на носовом платке.

– Видел? Что вошло, то и выйдет, – усмехнулся он. – Вот теперь полный порядок.

Я поморгал и убедился, что и правда порядок. Песчинки как не бывало. Но я то и дело помаргивал на всякий случай.

Вот так, помаргивая, я снова повернулся к окну. И увидел, что самолёт вынырнул из облака. Сейчас он летел гораздо ниже и совсем близко. Это истребитель! И он летит прямо на нас!

– «Спитфайр»![9 - «Спитфайр» – знаменитый английский истребитель времён Второй мировой войны.] – завопил я, тыкая пальцем в стекло. – Глядите! Глядите!

Мама сразу же проснулась, и мы все трое уставились в окно.

– Никакой это не «Спитфайр», сынок, – покачал головой дяденька. – Это «Мессершмитт – сто девять», немец, будь он неладен! Сейчас будет бомбить. От окна, живо!

3

Дяденька сгрёб нас с мамой в охапку и повалил на пол. У нас над головой внезапно раздался рёв, загрохотала стрельба, зазвенело битое стекло, кто-то пронзительно закричал. Поезд засвистел и рванул вперёд что было мочи. Я поднялся на колени: очень хотелось поглядеть, что там творится, но дяденька мне не дал.

– Немец ещё вернётся, – заверил он. – Сиди, где сидишь, и не высовывайся.

Он обхватил нас с мамой, прижав к себе, прикрыв наши головы обеими руками.

Насчёт немца он не ошибся. Через несколько минут самолёт вернулся и зашёл на второй круг. Послышался взрыв, застрочил пулемёт: та-та-та-та та-та-та; истребитель с рёвом и воем пронёсся прямо над нами. Между тем поезд мчался и мчался как бешеный, всё быстрее и быстрее, пока мы внезапно не вклинились

в непроглядный мрак туннеля. Там поезд резко остановился, так что от визга тормозов у меня аж уши заложило. Нас всех швырнуло друг на дружку, впечатало в сиденье, и мы очутились наполовину под ним. Тормоза всё никак не умолкали. Наш попутчик всё время крепко нас обнимал. И вот наконец поезд зашипел, содрогнулся и замер. Мы лежали на полу в темноте. Казалось, мы трое и поезд дышим все хором и никак не можем отдышаться и прийти в себя. В купе было темным-темно, хоть глаз выколи.

– Я не люблю туннели, – сипло проговорил я, изо всех сил стараясь скрыть, как мне страшно. – Мам, мы тут долго простоим?

– Сейчас лучше места нам не найти, сынок, – вместо мамы ответил мне дяденька. – Здесь нас никто не тронет, точно тебе говорю. Спасибо машинисту, что догадался. Простоим здесь, сколько надо будет. Не волнуйся, сынок.

Дяденька помог мне подняться на ноги и сесть. Мама обняла меня. Она-то понимала, каково мне. Немецкий истребитель и стрельба меня не пугали – наоборот, даже интересно было. Меня пугала темнота. Густая непроницаемая мгла сомкнулась вокруг меня стеной. Мама знала, что я не выношу темноты. Я даже спать в темноте не мог. Мне вечером оставляли включённым свет за дверью спальни, да ещё фонарь на улице горел всю ночь. Страх комком застрял у меня в горле; я сглотнул его, но он опять появился, и опять, и опять. Я едва не всхлипывал от ужаса.

– Это из-за темноты, – объяснила мама. – Барни её не любит.

– И я не любил, – отозвался дяденька.

И пока он говорил, в темноте вдруг вспыхнула искра, а потом зажёгся яркий огонёк, осветил его лицо, и улыбку, и всё наше купе.

– Хорошо, что я трубку курю, – усмехнулся наш попутчик. – У меня всегда при себе спички. «Сван вестас» – ну знаешь, с лебедем на коробке. – Он показал мне коробок и встряхнул его. Внутри погремело. – Видишь? Отличные спички, горят

дольше обычных[10 - «Сван вестас» – довольно знаменитая марка спичек, которые начали выпускать ещё в конце девятнадцатого века в Англии (правда, теперь эти спички делают в Швеции). «Сван» по-английски означает «лебедь», а Вестой звали древнеримскую богиню, покровительницу домашнего очага и жертвенного огня.]. Только я вот чего боюсь, сынок, – продолжал дяденька. – Я боюсь, мы тут застряли. На месте машиниста я бы носа не показывал из туннеля, пока этот истребитель – хотя их, кажется, было два, а то и больше, да кто их знает? – не уберётся восвояси. Немцы видели, как мы заехали в туннель, так? Они могут поджидать нас на выезде. Помнишь, как я тебе говорил: что вошло, то и выйдет. И они это тоже знают. – Его лицо приблизилось к моему. – Вся загвоздка в том, Барни, что спички надолго не хватает, даже «Сван вестас», а они горят куда дольше прочих. Так что мне их придётся поберечь. У меня осталось… одна, две, три, четыре… да ещё вот эта, что у меня в руке, и она уже частью прогорела. Рано или поздно я её задую, иначе пальцы себе обожгу. Но ты только скажи мне – и я сразу зажгу новую. Пустяковое дело. Но тебе эти спички без надобности, правда, сынок? Ты же знаешь, что мама твоя рядом и я рядом. Ты здесь не один. С темнотой ведь как, сынок: когда темно, ты будто бы совсем один. А на самом деле это не так, да, сынок?

– Наверное, – прошептал я.

Дяденька заглянул мне прямо в глаза. Его взгляд, его улыбка словно озаряли меня светом храбрости. И он задул спичку. Мы снова оказались во мраке. Мне стало неуютно, но как-то по-другому, не как прежде. Почему-то теперь темнота не так меня пугала.

– Он у меня храбрый парень, мой Барни, – заявила мама. – Да ведь, Барни?

– Ну, конечно, миссус, – ответил дяденька. – Тут не поспоришь. Пожалуй, нам бы лучше закрыть окно. – Я услышал, как он встаёт и тянет раму вверх. – Иначе полный вагон дыма напустим, а оно нам ни к чему. Туннель-то сейчас будет весь в дыму.

– Вот беда, – посетовала мама, – жарко ведь станет и душно. Но вы правы, уж лучше душно, чем дымно.

Мы посидели тихонько в темноте, и дяденька снова заговорил:

– Надо бы нам как-то время скоротать. Знаете, что мы делали в прошлую войну, пока в окопах сидели? На войне ведь как: там по большей части сидишь и ждёшь. Ждёшь, когда что-нибудь начнётся, а сам думаешь: хоть бы не начиналось. Хуже нет этого ожидания. Мы, бывало, скорчимся в землянке, со страху совсем одурелые, и дожидаемся конфет от немецких пушек. Страшное дело эти их пушки. Или ещё утренней тревоги ждали. Нам по тревоге полагалось сразу вскакивать в боевой готовности. Это оттого, что немцы были любители ходить в атаку по утрам. Только рассвет займётся, и они тут как тут, выныривают из тумана с первым лучом. И знаете, что мы иногда делали, когда ждали? Мы рассказывали истории. Сидим в землянке, вокруг темно – вот прямо как здесь, – и рассказываем. Можем и сейчас этим заняться. Как считаешь, сынок? Любишь слушать истории?

Мама, как обычно, ответила за меня:

– Только если они интересные, как дедушкины, да, Барни?

В общем-то, это так и есть. Я люблю слушать истории, но только такие, где всё залихватски, чтоб аж дух захватывало. Про кораблекрушения, пиратов, сокровища, или, например, волшебников со всякой нечистью, или тигров, волков, необитаемые острова и джунгли, или футбол. Дедушка знает, что мне нравится; он рассказывает так разудало, что я верю каждому слову и мне всегда жалко, когда история заканчивается. Иногда он каким-то хитрым способом приплетает коня по имени Большой Чёрный Джек или футбольный матч, где выигрывает «Ковентри-сити». Такие штуки я прямо обожаю. С ними-то историю совсем от правды не отличить.

– Ну, – сказал дяденька, – мне, понятно, до твоего дедушки далеко, но ведь дедушки с нами нет. А потому, наверное, стоит мне всё же попробовать. Как думаешь? Боюсь только, в моей истории нет ни пиратов, ни необитаемых островов, ни волшебников – ничего такого. Выдумывать я не мастер. Зато, если захочешь, я могу рассказать тебе историю, которая случилась на самом деле. И ты будешь первым, кто её услышит. Согласен? Как насчёт невыдуманной истории, сынок?

– Конечно, он согласен, – как-то натянуто произнесла мама. – Барни наш, он всякие истории любит. Он и сам, бывает, что-нибудь да сочинит. – Тут мама многозначительно ткнула меня локтем. – И выходит очень даже складно. Но у него-то это всё, конечно, выдумки. Фантазирует он, а то иной раз и приврёт, да, Барни? Хотя все мы так делаем. И не надо бы, а делаем. Но мы бы с удовольствием послушали вашу историю, да, Барни? Как вы и сказали, поможет время скоротать. Ох, уже жарковато стало, да и душно, правда?

– Ну ладно, – помолчав немного, кивнул дяденька. – Вот вам моя история. Точнее, это не совсем моя история. Это история о моём приятеле, даже, пожалуй что, о лучшем друге. Я его знал лучше всех на свете.

– А как его звали? – осведомился я.

Дяденька опять помолчал, а после ответил:

– Уильям Байрон. Но это не настоящее его имя. Настоящего своего имени он не знал, и ему выпало быть Уильямом Байроном. Для друзей – просто Билли, а для всех прочих – Билли Байрон.

Конец первой части

Осталось четыре спички…

Часть вторая

Билли Байрон

1

– Билли Байрона я, пожалуй что, знал всю жизнь, сколько себя помнил, – начал дяденька. – Мы с Билли росли вместе: в одном городе, на одной улице, в одном приюте. И учились вместе, в начальной школе Апостола Фаддея. В самом конце Малберри-роуд.

– Вот и Барни туда же ходит! – воскликнула мама. – Да, Барни? Ну, то есть ходил.

– Ну и ну! – удивился дяденька. – До чего мир тесен. Прямо удивительно. Школа Святого Иуды. Малберри-роуд. Рыбак рыбака видит издалека. Приют наш тоже там был, на Малберри-роуд. Нас так все и звали: парни с Малберри-роуд.

– А я его помню, ваш приют, – оживилась мама. – Его уж сколько лет как снесли. Домов там понастроили и магазин, где миссис Макинтайр торгует. А теперь и этого ничего не осталось.

Вдруг в коридоре заплясал свет от фонаря. Дверь купе отъехала в сторону.

– Это проводник, мадам. Просто проверить, всё ли хорошо, – произнёс чей-то голос. Свет ворвался в наше купе. Пока проводник говорил с нами, фонарь освещал его лицо и фуражку. – Мы тут застряли малость, ну да ничего, скоро выберемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Крест Виктории – это высшая награда для британского военного: вручается она за героизм, проявленный в бою. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Ипр – небольшой городок на северо-западе Бельгии, где во время Первой мировой войны прошло несколько ожесточённых сражений. Ипр печально знаменит тем, что во время этих боёв было впервые в истории применено химическое оружие: немцы использовали против французов сначала хлор, а потом газ, названный в честь города ипритом.

3

Гибель огромного пассажирского лайнера «Лузитания» часто сравнивают с другой похожей катастрофой – трагедией «Титаника». «Лузитанию», хотя та и не была военным кораблём, потопила немецкая торпеда во время Первой мировой войны. Погибло почти 1200 человек.

4

Вообще-то, обращение «миссус» не очень грамотное, оно скорее просторечное, народное. По-английски всё-таки правильно называть замужнюю даму «миссис».

5

Англичане обожают трудиться на земле, и у многих городских жителей есть огородики. Как правило, это совсем крошечный участок, иногда с домиком, где горожане с удовольствием выращивают кабачки, тыквы и разную зелень. Чем-то похоже на наши дачи, только гораздо скромнее – земля в Англии очень уж дорогая.

6

Барни и его семья, как и многие жители их родного города Ковентри, пострадали от «блица» (по-немецки это означает «молния»): так назывались непрерывные бомбёжки, которым немцы подвергали Лондон и промышленные города (Ковентри, Бирмингем, Манчестер и другие) в 1940 и 1941 годах. Великобритания – остров, и вторгнуться туда, как в Польшу или в Бельгию, немцы попросту не могли. Поэтому они решили бомбить Англию до тех пор, пока дух её граждан не будет сломлен и страна не сдастся. Особенно страшными были воздушные налёты на Лондон: они начались 7 сентября 1940 года и длились 57 ночей подряд, а потом с перерывами продолжались до мая 1941 года. За это время погибло более сорока тысяч мирных жителей, огромное количество зданий было разрушено.

7

Бридлингтон – курортный городок на восточном побережье Англии.

8

Этот удивительно красивый готический собор после войны решили не восстанавливать, а оставить в руинах как память о трагедии «блица».

9

«Спитфайр» – знаменитый английский истребитель времён Второй мировой войны.

10

«Сван вестас» – довольно знаменитая марка спичек, которые начали выпускать ещё в конце девятнадцатого века в Англии (правда, теперь эти спички делают в Швеции). «Сван» по-английски означает «лебедь», а Вестой звали древнеримскую богиню, покровительницу домашнего очага и жертвенного огня.

Купить: https://tellnovel.com/ru/morpurgo_maykl/orel-na-snegu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить